

НА МОСКВА-РЕКЕ: ПО СЛЕДАМ ОДНОГО ИЗ «ОРФОЭПИЧЕСКИХ ПОХОДОВ» ДМИТРИЯ НИКОЛАЕВИЧА УШАКОВА

Патроева Н. В.

Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3836-6393>

SPIN-код: 5886-7841

А н н о т а ц и я . Статья посвящена анализу тенденций в сфере использования топонима *Москва-река* с несклоняемой первой частью. Материалом исследования служат научные труды представителей Московской лингвистической школы – Ф. Ф. Фортунатова, Д. Н. Ушакова, С. И. Ожегова и других, а также «Национальный корпус русского языка».

Цель работы – выявление частотности форм косвенных падежей гидронимического наименования *Москва-реке, Москва-реки, Москва-реку, Москва-рекой (-ю)* в разножанровых источниках – газетной и журнальной публицистике, дневниковой и мемуарной прозе, художественном нарративном тексте, поэзии (в сопоставительном плане приводятся сведения также из устного и мультимедийного корпусов). Еще одна из задач работы – обсуждение проблемы квалификации географического названия *Москва-река* в качестве сложного слова (композиата) или словосочетания с приложением, а также определение элемента, являющимся приложением в данном словосочетании (по мнению автора статьи, приложением является топоним *Москва*, а не нарицательное родовое понятие как именование неодушевленного предмета). Методы, использованные в процессе исследования: анализ и синтез, индуктивный и дедуктивный, сопоставительный, количественный, объяснительно-интерпретационный, описательный, корпусной.

Общий объем выборки из «Национального корпуса русского языка» составил 457 словоупотреблений. По данным «Национального корпуса русского языка», словосочетание с несклоняемой гидронимической частью *Москва-реки* впервые в печатных источниках встречается в 1886 г. – в мемуарах «Из пережитого» Н. П. Гилярова-Платонова. Затем, после значительного – более двадцати лет – перерыва, подобный гидроним фиксируется в газетных публикациях, воспоминаниях, дневниковом жанре, в меньшем объеме контекстов – в художественной прозе и поэзии. Некоторые репрезентации географического наименования *Москва-река* свидетельствуют об употреблении его в значении урбанонима.

Данные об активности гидронима в различных стилистических сферах позволяют заключить, что сочетание *Москва-реке* и тому подобные употребления обладают яркой разговорной, публицистической и фольклорной коннотациями и не могут претендовать на статус строгой книжно-литературной морфологической нормы современного русского литературного языка.

К л ю ч е в ы е с л о в а : орфоэпия; орфоэпическая норма; топонимика; гидроним; парадигма

Д л я ц и т и р о в а н и я : Патроева, Н. В. *На Москва-реке: по следам одного из «орфоэпических походов» Дмитрия Николаевича Ушакова* / Н. В. Патроева. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2023. – Т. 28, № 4. – С. 217–225. – DOI: 10.26170/2071-2405-2023-28-4-217-225.

NA MOSKVA-REKE: IN THE FOOTSTEPS OF ONE OF THE “ORTHOEPIC CAMPAIGNS” OF DMITRY NIKOLAEVICH USHAKOV

Natalia V. Patroeva

Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3836-6393>

Abstract. The article analyzes modern trends in the use of the toponym *Moskva-reka* with the indeclinable first part. The research material includes the scientific works of the representatives of the Moscow Linguistic School – F. F. Fortunatov, D. N. Ushakov, S. I. Ozhegov and others, as well as the National Corpus of the Russian Language.

The aim of the study is to reveal the frequency of usage of the forms of indirect cases of the hydronym *Moskva-reke, Moskva-reki, Moskva-reku, Moskva-rekoi* in different genre sources – newspaper and magazine articles, diary and memoir prose, fiction narrative text, poetry (for the sake of comparison, information is also provided from

oral and multimedia corpora). One more objective of the work is to discuss the problem of defining the geographical name *Moskva-reka* as a compound word (composite) or a phrase with an apposition, as well as to determine the element which fulfills the function of an apposition in this word combination (according to the author of the article, it is the toponym *Moskva* that is the apposition and not the common noun as a generic name of an inanimate object).

The research methods used in the paper include analysis and synthesis, induction and deduction, and the methods of comparative, quantitative, explanatory-interpretive, descriptive, and corpus analysis.

The total sample size from the National Corpus of the Russian Language comprises 457 word usages. According to the National Corpus of the Russian Language, the phrase *Moskva-reki* with the indeclinable first part expressed by a hydronym was first found in printed sources in 1886 – in the memoirs “From My Life” by N. P. Gilyarov-Platonov. Then, after a significant break that lasted for over twenty years, the hydronym is recorded in newspaper publications, memoirs, the diary genre, and, in a smaller number of contexts – in fiction prose and poetry. Some representations of the geographical name *Moskva-reka* indicate its use in the function of an urbanonym.

The data on the activity of the hydronym in various stylistic areas allow concluding that the combinations *Moskva-reke* and the like have vivid colloquial, journalistic and folklore connotations and cannot claim the status of a strict bookish and literary morphological norm of the modern Russian literary language.

Keywords: orthoepy; orthoepic norm; toponymy; hydronym; paradigm

For citation: Patroeva, N. V. (2023). *Na Moskva-reke: In the Footsteps of One of the “Orthoepic Campaigns” of Dmitry Nikolaevich Ushakov.* In *Philological Class.* Vol. 28. No. 4, pp. 217–225. DOI: 10.26170/2071-2405-2023-28-4-217-225.

Предварительные замечания: к истории вопроса

Одним из важнейших направлений деятельности Дмитрия Николаевича Ушакова была нормализаторская деятельность в области русского литературного произношения, образцом которого для него была старомосковская орфоэпическая норма. Выступления в печати и по радио, многие статьи и доклады Д. Н. Ушакова были направлены на заботу об орфоэпической культуре народа, поддержание лучших образцов устной речи, отступление от которых в современном ему узусе вызывало особую тревогу ученого, оказываясь причиной так называемых «орфоэпических походов»¹, борьбы с оппонентами, настаива-

вавшими на демократизации произносительных норм как неизбежной, по их мнению, уступке повседневности.

Слово в его устной и письменной форме бытования – предмет многогранный, поэтому сфера орфоэпии понималась Д. Н. Ушаковым как область, тесно связанная с иными в иерархии языковых уровней и наук, их изучающих. Так, получил известность такой факт научной биографии Дмитрия Ушакова, как спор о гидрониме *Москва-река*, – своеобразная заочная дискуссия с Филиппом Федоровичем Фортунатовым, главным научным наставником Дмитрия Николаевича Ушакова.

В курсе «Сравнительное языковедение» 1902 г. Фортунатов фиксирует появление в русском языке «слитного слова» *Москварека* с утратившей склонение первой частью: «Например, в Москве существует слитное слово *Москвареки* (с его словоизменением: *Москвареки*, *Москвареку*); это слово, хотя и разлагается на слова *Москва* (со значением известной реки) и *река*, однако отличается от сочетания значений слов *Москва* и *река* (так как *Москварека* в целом является известным собственным именем)» [Фортунатов 1956: 173]. Заметим, что ранее, в курсе лекций 1885 года, Ф. Ф. Фортунатов пишет о «русском словосочетании *Москва-река*, *Москвы-реки* и так далее. В этом словосочетании слова “Москва” и “река” остаются каждое отдельным словом, как

¹ А. А. Реформатский вспоминал: «Д. Н. Ушаков был центром орфоэпических интересов той эпохи. Он был консультантом Радиокomiteта, Всероссийского театрального общества, деятельно участвовал в работе кружка по культуре речи в московском Доме ученых и в Государственной академии художественных наук. Я не буду пересказывать споров того времени, когда участвовали в них Л. В. Щерба, Л. П. Якубинский, С. И. Бернштейн, Г. О. Винокур, Р. И. Аванесов, А. М. Сухотин, В. Н. Сидоров, А. Б. Шапиро и автор этих строк... Осталось еще очень много нерешенных вопросов, а заветы Д. Н. Ушакова для всех интересующихся и “болеющих” русской орфоэпией и его призывы к “походам” остаются основной программой в этой области» [Реформатский 1950: 31]. См. также: [Горшкова 1973].

это видно из того, что склоняется каждое из этих слов». Фортунатов уточняет, что в подобных «речениях» значение словосочетания как «известного целого» «не распадается вполне» на значения каждого из двух составляющих его элементов: *Москва* выступает как наименование не города, а реки, а элемент река участвует в акцентировании именно гидронимического смысла, выделяя в значении имени собственного «известную часть его» [Фортунатов 1885: 11-12]. Далее Фортунатов использует несколько иной термин для наименования композита в сравнении с курсом 1902 г., говоря о случае утраты склонения первой частью и переходе по этой причине «речения»-«словосочетания» в «слитносложное слово».

Д. Н. Ушаков, активный участник борьбы за чистоту и правильность русской речи, живо отреагировал на появление в 1927 г. брошюры «Технико-орфографических правил», допускавших произношение «московского сложного слова *Москва-река* с одним только ударением на первой части *Москва* и без ударения на второй *река*» [Ушаков 1995: 185], а также несклоняемость первой части композита. Лингвист резко отверг подобное узаконение не свойственного речи столичной интеллигенции и возникшего в «старом московском просторечии» [Ушаков 1995а: 186] употребления, в котором первая часть остается без изменения: на *Москва-реке*, на *Москва-реку* и так далее, в законченной в марте 1936 года, но оставшейся при жизни ученого неопубликованной статье «К вопросу о правильном произношении», хотя сам Ушаков был носителем именно старомосковской орфоэпической нормы: «Я коренной москвич, с детства знаю эти произношения, могу ими любоваться как любитель фольклора или ценить их как лингвист, но не употребляю их в своей речи и утверждаю, что особенность в московско-литературном названии нашей реки состоит только в том, что оно – сложное слово, однако с двумя ударениями: на *Москва* и на *река*, и что склоняем мы его: *Москвы-реки*, *Москве-реке*, *Москву-реку* и так далее» [Ушаков 1995а: 186].

Еще одно подтверждение своей позиции лингвист представил в комментарии к «Открытому письму к товарищам из Радиокомитета» известного советского писателя Ф. В. Гладкова, напечатанному в «Ли-

тературной газете» 10 октября 1939 года. Дмитрий Николаевич соглашается с мнением автора открытого письма: «Относительно *Москва-реки* Вы совершенно правы... Я коренной москвич и прекрасно знаю такое произношение. Но это, как Вы удачно называете, – «местный жаргон» (хотя бы и столичного города, хотя бы и интересный «фольклорный факт»)» [Ушаков 1995б: 313]. Интеллигенция Москвы так не говорила, и в печати этого раньше не было». Далее Д. Н. Ушаков ссылается на авторитетные примеры склоняемости обеих частей гидронима, принадлежащие М. Ю. Лермонтову, А. И. Герцену, И. С. Тургеневу, В. О. Ключевскому и иным писателям и ученым XIX столетия.

Споры о нормативности старомосковского феномена продолжил ученик Д. Н. Ушакова Сергей Иванович Ожегов, который определил гидроним *Москва-река* не как композит (сложное слово), а как словосочетание и заметил, что «основное ударение в сочетании находится на второй части (*река*), а сохранение сильного побочного ударения на первой части (*Москва*), свидетельствующего о грамматическо-смысловой значимости этой части, – еще более подчеркивает обязательность склонения» [Ожегов 1974: 337-338].

Дискуссии о «Москвареке» («Москва-реке») не закончены и в начале XXI столетия¹, специалисты в области ономастики и культуры речи фиксируют факты несклоняемости первого элемента гидронима в современной устной речи носителей русского языка². Таким образом, проблема нормативности гидронимов с несклоняемой первой частью остается актуальной, нормативный статус подобных образований требует подтверждения с опорой на широкий эмпирический материал авторитетных классических текстов. Целью данного исследования является выяснение истории гиперонима *Москва-река* с несклоняемой первой частью в памятниках русского литературного языка XVIII–XX в. (по данным «Национального корпуса рус-

¹ См., напр.: [Левашов 2009].

² Так, по наблюдениям А. В. Суперанской, «в речевой практике последних десятилетий наметилась тенденция склонять это название лишь в последней части: на *Москва-реку*, вдоль *Москва-реки*» [Суперанская 1985: 172].

ского языка» (далее – НКРЯ¹). Каковы истоки подобного явления? Когда в книжно-письменный русский язык проникли подобные примеры несогласованности в склонении обеих частей наименований рек из устной разговорной речи? Сложным словом или словосочетанием являются такие гидронимические образования? Предлагаемая вниманию уважаемого читателя статья является попыткой восполнить некоторые из этих дискуссионных лакун.

Частотность гидронима Москва-река в памятниках русского литературного языка (по данным «Национального корпуса русского языка»)

Конкорданс, представленный в ресурсе НКРЯ (раздел «Основной корпус»), позволяет с опорой на широкую временную перспективу и большой объем текстов выявить первые из зафиксированных в этой базе данных примеры использования гидронимов с несклоняемой первой частью – собственным именем *Москва-реки / -е / -у / -ой (-ою)*.

В основном корпусе НКРЯ фиксируется следующая частота использования анализируемого наименования (выборка примеров задана в художественных и нехудожественных текстах, написанных между 1700 и 2021 г.):

1) для *Москва-реки*: 120 примеров в 78 произведениях (художественных и нехудожественных – мемуары, публицистика, научные статьи и пр. – текстах); первый случай использования – в мемуарном жанре, причем с авторским объяснением, касающимся происхождения особого варианта гидронима: *Церковь, при которой отец мой был священником, стояла на берегу Москвы-реки или, как выражаются коломенцы, Москва-реки* (Н. П. Гиляров-Платонов, «Из пережитого», том 1, 1886 г.); следующая репрезентация относится уже к жанру исторического романа А. Е. Зарина «Двоевластие» (1912): *Наши всадники пересекли весь город и со стороны Москва-реки втехали в Немецкую слободу... На шестой день, бродя из одной тайной корчмы в другую, шли они, сцепясь руками, вдоль Москва-реки...*;

2) для *Москва-реке*: в 52 текстах представлено 77 репрезентации, первые из которых относятся к газетной хронике за 1906 и 1913 г. (художественная проза одних из первых примеров – у И. Новикова в рассказе «Гарахвена» 1917–1919 г.: *Проголодавшийся глаз с великим восторгом к душе безотносительно ловил и подмечал всякий снаряд, засевший в стене, свороченный столб и сбитую вывеску, высокий брандмауер, подобный больному, только что вставшему и тяжело изуродованному оспой, и легкомысленно веселье рядом розетки лучей на стекле у круглых и аккуратных отверстий, кучки разобранных коротеньких рельсов, бурую глину сверху камней – ту самую, что некогда, в давние годы, подстинала бока лесистых оврагов, сбегавших к Москва-реке, прохладной и тенистой*); в очерке Б. Зайцева «Улица св. Николая» 1921 г.: *А поэт бирюзоглазый, улетающий и вечно проносющийся и в жизни, и в пространствах, точно облако белеющее, также пробегает по другому тротуару и приветствует лазурь, и ждет пришествия, и изнывает от томлений по закатам огненно-золотистым над Арбатом – там – в конце, где он спускается к Москва-реке, в ней утопая*; в повести Б. Зайцева «Голубая звезда» 1921 г.: *Говорю «на Москва-реке», «нипочем», люблю блины, к Иверской хожу.*; в повести Б. Пильняка «Иван Москва» 1927 г.: *Медленно, наблюдая окрест, он спустился кремлевскими рвами к Москва-реке... и др.*); множество подобных примеров находим в произведениях И. С. Шмелева: *В рожи бы закатиться, под Звенигород... там под покос большие луга сняты у меня, по Москва-реке* (И. С. Шмелев, «Лето Господне», 1927–1944 г.) и др.;

3) для *Москва-реку*: 92 примера в 54 текстах; первая репрезентация – в названии городской хроники происшествий «Бросившаяся в Москва-реку» в московской газете «Трудовая копейка» за 10 октября 1916 г.; следующие примеры – в публицистике и мемуаристике 1920–1930-х годов: *За Москва-реку – за Симонов – за Воробьевы горы лучевой надземницей красный звон* (А. М. Ремизов, «Взвихренная Русь», 1917–1924 г.) и др.;

4) для *Москва-рекой (-ою)*: корпус выдает 30 примеров в 22 текстах, из которых первые фиксируются во «Взвихренной Руси» А. Ремизова (*За Москва-рекой заря – по заре, разгораясь, звон из-под Симонова.*), в названии пятой главы повести А. В. Чаянова «Вене-

¹ Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/>. При цитировании в круглых скобках указан автор текста, название произведения и год написания.

цианское зеркало, или Диковинные похождения стеклянного человека» 1923 г. (Глава пятая, и последняя, содержащая конец нашей истории и не мало доказательств тому, что за Москва-рекою существует нечто выходящее за пределы допускаемого благонравными педантами.) и в романе 1932 г. «Юнкера» А. Куприна (Пленяла воображение и относительно близость к одной из столиц: особенно москвичей удручала мысль расстаться надолго с великим княжеством Московским, с его семью холмами, с сорока сороками церквей, с Кремлем и Москва-рекою.).

Графики распределения частотности анализируемого гидронима с несклоняемой первой частью (см. рис., демонстри-

рующий активность для Москва-реке) свидетельствуют о его большей активности в период с 1910-х по середину 1950-х годов и некотором новом всплеске активности в 1990-е годы, когда публиковалась так называемая «возвращенная» российскому читателю литература (мемуаристика, художественная и дневниковая проза). Первые два десятилетия XXI века характеризуются уже гораздо более скромным использованием в публицистических, научных и художественных текстах наименований Москва-реке (-и, -у, -ой), постепенным снижением их частотности (мультимедийный и устный подкорпусы выявляют ту же тенденцию).

Рис. Распределение по годам частотности использования Москва-реке в основном корпусе НКРЯ

Если сравнить данные основного подкорпуса НКРЯ с поэтическим, то выясняется, что первые примеры использования гидронима с несклоняемой первой частью относятся к 1910-20-м годам: *Бегу к Москва-реке Смотреть, как лед идет* (М. Цветаева, 1916 г.); *Глядел с моста у Москва-реки на воду...* (И. Сельвинский, 1924 г.); *На Москва-реке, поза Москва-рекой, Что ни день под землю опускается...* (В. Меркурьева, 1918 г.); *Последний плач там, за Москва-рекой* умолк. (И. Эренбург, 1921 г.). Некоторые контексты свидетельствуют об использовании Москва-реки с целью исторической стилизации, создания пафосной речи при воплощении патриотических мотивов или, напротив, в ироническом ключе: *Тихо на Москва-реке и по святой Руси*. (В. Меркурьева, «На честном дворе, в Страстном монастыре», 1918 г.); *О ноч-*

ную пору на Москва-реке Поднялася, веется Метелица... (В. Меркурьева, «О ночную пору на Москва-реке...», 1918 г.); *Отразился в лазоревой ленте, Развитой по лугам-муравам, Аристотелем Фиоравенти На Москва-реке строенный храм.* (М. Волошин, «Дикое поле», 1920 г.); *И насчет светопреставленья За Москва-рекой сеют слух...* (И. Эренбург, «Повесть временных лет», 1967 г.); *Разнообразные мосты Москва-реку венчают славой...* (Н. Глазков, «Возникли образы поэм...», 1940 г.); *Над родной Москвою, вдоль Москва-реки, Самолеты вражеские или* (М. Светлов, «Песня о фонариках», 1942 г.); *Маруся пошла На Москва-реку, И к ней подошел китаец.* (Д. Кедрин, «Китайская любовь», 1931 г.); *За Москва-рекой в полуподвале Жил высокого роста блондин.* (С. Гандлевский, «Баллада», 1977 г.).

**Частотность гидронима Москва-река
в памятниках русского языка XVIII–XXI вв. по данным НКРЯ**

Корпус НКРЯ	Контекст	Количество текстов	Количество репрезентаций
Основной	<i>Москва-река</i>	61	91
	<i>Москва-реки</i>	78	120
	<i>Москва-реке</i>	52	77
	<i>Москва-реку</i>	54	92
	<i>Москва-рекой (-ою)</i>	23	30
Поэтический	<i>Москва-река</i>	23	23
	<i>Москва-реки</i>	5	5
	<i>Москва-реке</i>	9	9
	<i>Москва-реку</i>	4	4
	<i>Москва-рекой /-ою</i>	6	6

В художественных и мемуарных произведениях начала XX в. появляется иное значение у географического термина: *Москва-река* с несклоняемой первой частью оказывается в ряде примеров не столько гидронимом, сколько урбанонимом, названием московского района, прилегающего к берегу главной столичной реки – см., например: *На Москва-реке были проталины и лужи* (К. А. Коровин, «Грибной рынок», 1930–1938 г.); *До Староносова длился Арбат; от него, что ни есть, – относилось к Москва-реке, к баням семейным, где мылся Танеев, С. И., композитор известнейший...* (Андрей Белый, «Начало века», 1930 г.). Наименование «Москварека» (если пользоваться фортуновским орфографическим вариантом) возникло в устной речи горожан, вероятно, по аналогии с *Симоновка*, *Хитровка* и т. п. названиями московских районов.

Некоторые предположения о причинах распространения московского топонима с несклоняемой первой частью

Наименования рек с несклоняемой первой частью встречаются в отражающих древнее языковое состояние русского языка былинах: так, в песнях и былинах встречаются репрезентации *по Дунай-реке*, *по Иртыш-реке*, *у Амур-реки*, *в Урал-реку* и др., придающие особую ритмо-мелодическую схему нарративному тексту, например: *...подъезжает онъ къ Пучай-ръкъ...* [Марков 1901: 330].

Отдельные фольклорные контексты демонстрируют отмеченную Ф. Ф. Фортунатовым синсемантическую, некоторую лексико-семантическую связанность элемента *река* (как будто бы уподобляющегося

аффиксу *-ка*, характерному для названий многих рек: *Мойка*, *Лососинка*, *Неглинка* и т. п.), что говорит в пользу дефиниции *Москва-реки* как композита, «слитного» слова: *Где пала Дунаева головушка, Протекала речка Дунай река...* [Гильфердинг 1950: 194] (опоясывающий несклоняемое имя собственное повтор *речка... река* свидетельствует о лексической «недостаточности», «аффиксальности» нарицательного компонента гидронима).

Гидроним *Москва-река* в былинах и исторических песнях встречается, между тем, в ином варианте со склоняемыми обеими частями, например: *Потьезжает Скопинь-отъ за Моску-ръку* [Материалы, собранные... 1905: 98] («Смерть Михайлы Скопина»); *А погип царевиць за Москвой-рекой...* [Архангельские былины 2002: 363] («Иван Грозный и его сын»: («Было у нас да во Царе-граде...»). В лирических песнях зафиксированы оба варианта – ср.: *Къ Москвь-ръкъ воротился...* [Песни, собранные П. В. Киреевским. Вып. I. 1911. С. 285]; *Не близко ко мнѣ, за Москва-ръкой. По той ли сторонкѣ идѣть мой милой...* [Песни, собранные П. В. Киреевским. Вып. II. 1911. С. 108]; *По быстрой рѣкъ, По Москва-ръкъ, Плыветъ-восплываетъ... Зеленый садокъ...* [Великорусские народные песни 1897: 183]. Эта фольклорно-песенная коннотация явно, наряду с разговорной окрашенностью, ощущается у гидронима *Москва-река* с несклоняемым собственным именем.

Не случайно В. Ходасевич в мемуарном очерке «Горький» (1938 г.) приводит специально созданный шутливо-иронический

контекст, стилизованный под устнопоэтический: «Уж ты гой еси, Марахол Марахолович, Славный богатырь наш скоморошина! Ты седлай свою коня борзого, Ты скачи ко мне на **Москва-реку!** Как Андреева, ведьма лютая, Извести меня обещаюся., Из Кремля меня хочет вытрясти, Малых детушек в полон забрать!» Седлал Марахол коня борзого, Прискакал тогда на **Москва-реку**. А и брал он тую Андрееву За белы груди да за косыньки, Подымал выше лесу синего, Ударял ее об сыру землю – и так далее».

Подобные факты из языка устной поэзии и фольклорных стилизаций свидетельствуют о том, что гидронимы с препозицией собственного и постпозицией нарицательного имени возникли еще в давний период существования русского языка – по крайней мере, в его устнопоэтической разновидности. Возможно, на наш взгляд, проведение аналогии и с топонимом *Новгород*, когда-то имевшим парадигму *Новгорода*, *Нову-городу* и так далее, но уже давно утратившим склонение в первой части композита. Следовательно узуальное употребление типа *на Москва-реке* оказывается поддержанным фольклорной традицией и уходящим корнями в культурно-языковые древности.

Проблема грамматического статуса гидронима

Важным представляется вопрос о грамматической квалификации образования *Москва-река*. Так, считающиеся на сегодняшний день главным нормативным документом по современному русскому правописанию «Правила русской орфографии и пунктуации» 1956 г. содержат следующую формулировку, в которой определяется норма дефисного написания сложных слов: «Пишутся через дефис: 1. Сложные существительные, имеющие значение одного слова и состоящие из двух самостоятельно употребляющихся существительных, соединенных без помощи соединительных гласных о и е, например: <...> Москва-река (при склонении изменяются оба существительных)» [Правила 1957: 78]. В полном академическом справочнике по русской орфографии и пунктуации 2006 г. находим дефиницию для дефисного написания *Москва-река*, прямо не указывающую статус географического наименования как словосочетания или композита: «Названия, представляющие собой сочетание

собственного имени с последующим родовым нарицательным названием, напр.: *Москва-река...*» [Правила 2007: 132]. Учебники по синтаксису русского языка для высшей школы обычно характеризуют подобные географические наименования как словосочетания с приложением, выраженным топонимом, – см., напр.: «Одиночные приложения, относящиеся к собственным именам, могут не обособляться и в постпозиции сливаться с определяемым именем. Ср.: *Река Москва – Москва-река*» [Валгина 2003: 239]. Между тем, встает вопрос о том, какой из двух элементов здесь оказывается приложением – имя собственное или имя нарицательное, если речь идет о неодушевленном объекте, тем более о топониме, демонстрирующем тенденцию к несклоняемости. В тех же источниках по синтаксису прямо указывается, что «отсутствует согласование ... у приложений-топонимов» [Валгина 2003: 126], так что возникает явная квалификационная коллизия.

Несклоняемость в части имени собственного, действительно, сближает образование типа *Москва-реки* со сложными словами, отдаляя от словосочетания с онимом-приложением, конкретизирующим нарицательное понятие – водный объект как родовое понятие. Впрочем, подобная несклоняемость для географического имени встречается и в словосочетаниях с обратным размещением компонентов, однако интересно, что сочетание *реки Москва* зафиксировано НКРЯ лишь в одной из научных статей 2004 г.¹; словосочетание *реке Москва* представлено только тремя примерами в источниках 1997, 2004 и 2015 г. – научной статье, культурологическом эссе и путеводителе; пример *реку Москва* также маргинален и используется, по данным НКРЯ, в газетной информации за 1910 г.; репрезентации *рекой / -ю Москва* в основном корпусе НКРЯ отсутствуют.

Заключение

Подведем некоторые итоги. Проникновение варианта из «старомосковского

¹ «...вследствие возросшей антропогенной нагрузки на экосистему *реки Москва*, во много раз увеличилось содержания практически всех показателей качества...» (Экологическое состояние р. Москвы на территории Раменского района Московской области // Геоинформатика. 2004).

просторечия» совершалось, прежде всего, через отражающие внутреннюю и / или устную разговорную речь жанровые сферы. Употребление *Москва-реки* в лирических стихотворениях, рассказах, повестях и романах демонстрирует сохранение у гидронима фольклорно-архаической коннотации, связи с устнопоэтической традицией, содержащей немало примеров использования географических названий, не склоняемых в части собственного имени.

Таким образом, тенденция к несклоняемости географических наименований, давно выявленная в официально-деловой и научной сферах, подтверждается очень скромным количеством репрезентаций в иностилевых областях – художественной литературе и публицистике и совсем не фиксируется поэтическим корпусом русского языка.

Стилистические сферы и активность употребления географического наименования с несклоняемой первой частью оказываются релевантными для грамматической дискуссии о нормативном статусе

неизменяемости гидронима, развернувшейся на страницах лингвистических трудов первой половины XX века. Дмитрий Николаевич Ушаков, настаивавший на ненормативности *Москва-реке* / -и / -у / -ой, конечно же, прав, в том, что правила русского словоизменения требуют склонения обеих частей сочетаний изменяемых географических имен с нарицательными существительными. Между тем гидроним с сильным ударением на первом несклоняемом элементе (*Москва*) и слабоударяемой склоняемой последующей частью (*река*) оказывается фактом русской литературной речи XX столетия и начала нынешнего века. Активность использования подобного варианта невелика (достигает максимальных величин между 1920-ми и 1960-ми годами прошлого столетия), однако употребление его не прекращается, а потому заслуживает особого внимания в качестве стилистически маркированного – стилистически сниженного, окрашенного фольклорной и разговорной (уже не «старомосковской просторечной») коннотациями.

Источники

Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа: В 3 т. – СПб. : Тропа Троянова, 2002–2003. – (Полное собрание русских былин; Т. 2). – Т. I. Ч. 1: Поморье – Ч. 2: Пинега. – 2002. – 716 с.

Великорусские народные песни / Изд. проф. А. И. Соболевским. – Т. III. – СПб., 1897. – 628 с.

[Гильфердинг А. Ф.] Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). Сектор фольклора; отв. ред. А. М. Астахова. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1949–1951. – Т. 1–3. – Т. 2 / Подгот. текста и коммент. А. И. Никифорова. – 1950. – 812 с.

[Марков А. В.] Беломорские былины, записанные А. Марковым / предисл. проф. В. Ф. Миллера. – М. : А. А. Левенсон, 1901. – 618 с.

Материалы, собранные в Архангельской губернии летом 1901 года А. В. Марковым, А. Л. Масловым и Б. А. Богословским : Ч. 1: Зимний берег Белого моря : 1, 2, 3. Духовные стихи. Былины и исторические песни. Причитания : Волость Зимняя Золотица. – 1905. – М. : тип. К. Л. Меншова, 1905 (обл. 1909)–1908 (обл. 1909). – 157 с.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. – URL: <https://ruscorpora.ru/>. При цитировании в круглых скобках указан автор текста, название произведения и год написания.

Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия / Изд. О-вом любителей рос. словесности при Имп. Моск. ун-те. – М., 1911–1929. – Вып. I–II. – Вып. I. (Песни обрядовые). – М.: Печатня А. И. Снегиревой, 1911. – 356 с.

Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия / Изд. О-вом любителей рос. словесности при Моск. ун-те. – М., 1911–1929. – Вып. I–II. – Вып. II, ч. 1. (Песни необрядовые). – М. : Печатня А. И. Снегиревой, 1911. – 125 с.

Литература

Валгина, Н. С. Современный русский язык : Синтаксис : Учебник / Н.С. Валгина. – 4-е изд., испр. – М.: Высш. шк., 2003. – 416 с.

Горшкова, К. В. Вопросы орфоэпии в работах Д. Н. Ушакова / К. В. Горшкова // Вестник Московского университета. Сер. филология. – 1973. – № I. – С. 86–90.

Левашов, Е. А. Еще раз о Москве-реке и Москва-реке / Е. А. Левашов // Русская речь. – 2009. – № 3. – С. 52–54.

- Ожегов, С. И. Склоняется ли Москва-река? / С. И. Ожегов // Ожегов С. И. Лексикология. Лексикография. Культура речи. – М. : Высшая школа, 1974. – 352 с.
- Правила русской орфографии и пунктуации. – М. : Учпедгиз, 1957. – 176 с.
- Правила русской орфографии и пунктуации : Полный академический справочник / под ред. В. В. Лопатина. – М. : Эксмо, 2007. – 480 с.
- Реформатский, А. А. Методические указания и руководство по современному русскому языку / А. А. Реформатский. – М. : Изд-во Литературного института Союза советских писателей, 1950. – 536 с.
- Суперанская, А. В. Что такое топонимика? / А. В. Суперанская. – М. : Наука, 1985. – 182 с.
- Ушаков, Д. Н. К вопросу о правильном произношении / Д. Н. Ушаков // Ушаков Д. Н. Русский язык. – М. : Просвещение: АО «Учебная литература», 1995а. – С. 180-186.
- Ушаков, Д. Н. Русский язык / Д. Н. Ушаков. – М. : Просвещение: АО «Учебная литература», 1995б. – 320 с.
- Фортунатов, Ф. Ф. Лекции по сравнительному языковедению : сравнительное склонение / Ф. Ф. Фортунатов. – Б.м. : б.и., 1885. 308 с. – URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=68539> (дата обращения: 04.08.2023).
- Фортунатов, Ф. Ф. Сравнительное языковедение / Ф. Ф. Фортунатов // Фортунатов Ф. Ф. Избранные труды. – М. : Гос. учебно-педагогич. изд-во, 1956. – Т. I. – 450 с.

References

- Fortunatov, F. F. (1885). *Leksii po sravnitel'nomu yazykovedeniyu : sravnitel'noe sklonenie* [Lectures on Comparative Linguistics: Comparative Declension]. 308 p. URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=68539> (mode of access: 04.08.2023).
- Fortunatov, F. F. (1956). *Sravnitel'noe yazykovedenie* [Comparative Linguistics]. In Fortunatov F. F. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Moscow, Gos. uchebno-pedagogich. izd-vo, 1956. V. I. 450 p.
- Gorshkova, K. V. (1973). *Voprosy orfoepii v rabotakh D. N. Ushakova* [Issues of Orthoepy in the Works of D. N. Ushakov]. In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya Filologiya*. № 1, pp. 86–90.
- Levashov, E. A. (2009). *Eshche raz o Moskve-reke i Moskva-reke* [Once Again about *Moskve-reke* and *Moskva-reke*]. In *Russkaya rech'*. № 3. Pp. 52-54.
- Ozhegov, S. I. (1974). *Sklonyaetsya li Moskva-reka?* [Is the Word *Moskva-reka* Declining?]. In Ozhegov S. I. *Leksikologiya. Leksikografiya. Kul'tura rechi*. Moscow, Vysshaya shkola. 352 p.
- Pravila russkoi orfografii i punktuatsii : Polnyi akademicheskii spravochnik [Rules of Russian Spelling and Punctuation: Complete Academic Reference Book] (2007). Main ed. V. V. Lopatin. Moscow, Eksmo. 480 p.
- Pravila russkoi orfografii i punktuatsii [Rules of Russian Spelling and Punctuation] (1957). Moscow, Uchpedgiz. 176 p.
- Reformatskii, A. A. (1950). *Metodicheskie ukazaniya i rukovodstvo po sovremennomu russkomu yazyku* [Methodological Instructions and Guidance on the Modern Russian Language]. Moscow, Izd-vo Literaturnogo instituta Soyuza sovetskikh pisatelei. 536 p.
- Superanskaya, A. V. (1985). *Chto takoe toponimika?* [What is Toponymy?]. Moscow, Nauka. 182 p.
- Ushakov, D. N. (1995a). *K voprosu o pravil'nom proiznoshenii* [On the Issue of Correct Pronunciation]. In Ushakov, D. N. *Russkii yazyk* [Russian Language]. Moscow, Prosveshchenie, AO «Uchebnaya literatura», pp. 180-186.
- Ushakov, D. N. (1995b). *Russkii yazyk* [Russian Language]. Moscow, Prosveshchenie, AO «Uchebnaya literatura». 320 p.
- Valgina, N. S. (2003). *Sovremennyi russkii yazyk: Sintaksis: Uchebnik* [Modern Russian Language: Syntax: Textbook]. Moscow, Vysshaya shkola. 416 p.

Данные об авторе

Патроева Наталья Викторовна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия).
Адрес: 185910, Россия, г. Петрозаводск, пр-т Ленина, 33.
E-mail: nvpatr@list.ru.

Author's information

Patroeva Natalia Viktorovna – Doctor of Philology, Professor, Head of the Russian Language Department, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia).

Дата поступления: 25.09.2023; дата публикации: 30.12.2023

Date of receipt: 25.09.2023; date of publication: 30.12.2023